

Луга когда-то пахли мёдом

*Памяти
Александра Петровича Азарочкина.*

Село

В СЕЛЕ НИКОГДА не косили бурьян. Олег приехал в село к старикам и все же не узнал малую родину.

До революции в селе жило с две сотни мужиков и баб. После октябрьского переворота оно враз одичало, а после коллективизации из села ушли почти все жители. Кто не ушел, того сослали, затем основали колхоз «Передовик».

— Видимо от слова передавлю.

— Кого давить-то, не осталось никого!

В колхоз согнали со скотом последних жителей.

Постепенно село росло, обустраивалось, но как-то странно — не в ширь и не в длину. Домов не убавлялось и не прибавлялось. Только барскую усадьбу изничтожили, оставили террасу да часть стен. Усадьба заросла и спряталась в ивах.

Одним боком село граничило с малой деревенькой и было до нее километров пять луговой дорогой, а до соседнего села, и того меньше, ежели через лес.

Жили раньше в селе люди, отличавшиеся завидным ростом и силой. Силачей определяли сразу после родов.

— Что ни рыжий — то богатырь.

Никогда на этот счет не ошибались.

И сейчас порой, нет-нет да и народится в селе рыжий конопатый — высоченный богатырь, который и в драках-то не участвует — знает свою силу. А если и придется кого такому утихомирить, то обидчику достаточно будет и двух пощечин. Да и от пощечин голова кругом пойдёт.

В былые времена из села выходили иконописцы, художники и мастера декоративно-прикладного искусства. Последних даже не считали и не удивлялись им — привыкли. Сельские мастера поставили в селе деревянную церковь во имя Вознесения Господня на высоком холме за околицей.

О красотах мастера-художники говорили часто, но просто и коротко.

— Места у нас удивительные!

Ничего к этому не добавляли. Говорили так не от бедности слов и чувств. Просто были уве-

рены, что оглядев местные красоты, людям будет достаточно и этих слов.

Испокон века рыжие-дюжие водили пчел, иконы писали и рои не упускали.

Когда приехал Олег, в селе остался всего один художник и тот залетный. Село изменилось. Его припрятали высоченные, витые во все стороны ракиты, утопили старые, непроходимые сады, оглушил исполинский бородач-бурьян. Он томил-душил и пряно-медово горчиц.

Дома прятались, а на околице торчал из кустов одинокий и хромой колодезный журавль. Распевались петухи и копошились куры в кустах.

Буйствовал, прыскал красками богатырь бурьян. Крапива стояла по стойке смирно, мясистые лопухи и пустоголовы дудники перемахивали даже самые высокие заборы.

В селе жило не больше пяти семей и все на дальнем краю села – поближе к магазину. Дед с бабкой забрались же в самые джунгли бурьяна.

Олег шел тропинкой в тени зонтичных и отбивался от комаров.

В селе на первый взгляд совсем ничего не было, кроме низеньких хат, дикого-предикого бурьяна, густого малинника и полевых цветов по обочинам дорог. В село не приезжали любоваться природой. Одна природа не делала село знаменитым. Да и не было в селе ни красивого озера, ни роскошного пляжа, ни исторических памятников.

Село обходил даже рейсовый автобус. Уже и церковь давно соседствовала с колхозом. Колхоз обанкротился – немец фермер засеивал поля. Церковь восстановили в девяностых. Олег видел этот обыкновенный дом, без куполов, колоколов и святости.

Почти посередине село пересекала стоялая «зеленюшая» ручей-речка, с илом чуть ли не по колено. Озеро притенил лес, и ключевая вода там леденила даже в жаркие дни.

Ручей пропадал далеко в лугах, выливался в широкую Пойму – там сетями ловили линею и карпов и мешками таскали домой. Вытащенная из воды рыба больно сверкала на солнце. В лесах густо осыпалась волосатая малина и ежевика, запах с земляничной поляны бросало в жар, а на обилии грибов можно было поскользнуться. Извилину ручья заплотинили бобры. Ручей зашумел по перекатам, заиграл звуками – ожил. Село тоже жило – само по себе – не нуждаясь в людской заботе. Жило широко и вольготно.

– Умирало красиво.

Стариковский дом построили полвека назад. Почти половину кухни занимала русская печь. В доме важно стучали ходики, пахло щами из

печи, дымком, застоявшимся воздухом и медом. Казалось, не было такого закутка в доме, куда бы не проникал мед.

Кругом Олег натыкался на пчеловодный инвентарь. В доме дедушка чинил ульи, наващивал на рамки вощину. Рамки были в зале, спальне, на кухне... По ним ползали пчелы. А еще пчелы жужжали на окнах, лежали мертвыми в стаканах и чашках и часто жалили стариков, когда те садились на стулья или кресла. Пчел не выгоняли.

– Это же не мухи.

На кухне стояла большая миска с малиной, пересыпанная сахаром и накрытая марлей. Марля чуточку краснела от сока. По ней ползали жирные мухи – Олег их прогнал – и пчелы.

Дедушки не оказалось дома. Бабушка готовила в саду на костре малиновое варенье, деревянной ложкой убирала душистую пористую пенку и щурилась от дыма.

Вечером старики без усталости болтали, угощали внука вареньем и медом.

Чудная поляна

ДЕД САША СИДЕЛ на краю печи, слушал рассказы внука, а потом рассказал ему о Чудной лесной поляне. Рассказал, как мог – тихо и незамысловато. Он избегал случайных слухов, в которых можно было запутаться так же легко, как в дремучем лесу. Они ничего не стоили и рождались в пересудах и сплетнях односельчан. Казалось, дед знал немного больше чем все остальные. Он держал на коленях ленивого толстого кота, гладил его и щурился от света из окна. После темного закутка печи свет больно бил по глазам. Из-под рубахи у деда выползали пчелы.

Старик всю жизнь работал на пасеке, изредка покидал район, но рассуждал о среднерусской природе не хуже какого-нибудь живописца. Внук подумал, что это от долгих и утомительных путешествий. Он не знал, что путешествиями были прогулки по знакомой дорожке, лугам, маленький поход в лес по грибы, работа на пасеке – путешествия на маленьком клочке земле.

О настоящих путешествиях внук знал только из учебника географии.

– Чудеса на поляне разные. Все там чудо.

И то, что затерялась в глухих лесных чащобах, что посещают ее одни лешаки, и на Воздвижение пересчитывают всю живность перед зимой. А чудная оттого еще, что сыскать ее не просто.

— Намаешься за день, выйдешь к ней, а на завтра ее и нет.

За чудесами и пустились в лес не только местные, но и заезжий городской обыватель. Поляну нашли, но оказалась она обычной — таких полным-полно в русских лесах. Поляна не походила на райский уголок и никуда не исчезала. Мужики и бабы возвращались домой ни с чем. Они не верили в чудеса.

Вскоре напор любопытных спал, стали поговаривать, что историю о чуде, видимо, придумал какой-нибудь чудака-сказочник.

Но тайна существовала, и красота у поляны была особая — тоже чудная. Дедушка не мог толком объяснить, что это за красота.

— Видят ее чудачки. А чудная-то, потому как не открытая. Пока сам не увидишь, все без толку. К ей надобно подходить не как зря — и не так чтоб добег, вытаптал все — убег. Тогда и не увидишь ее.

— А как?

— Как свой. И не хвалиться: вот, мол, нашел, был, видел. Путешествия — это все хорошо, но толка от них мало, ежели свою страну не видел, чужую подавай. Ну, видел море, чего хвалиться. Ты поди и знать не знаешь ночной фиалки, как она пахнет. Тихо-тихо... и тонко... а богатыря разбудит.

Внук понимал не все. И по-настоящему мало что любил. Но слушал до конца.

— Ее тайну узнал один малый, когда блуканул у лесе.

Около двух дней он бродил по лесным завалам, изорвал одежду и проголодался. Спал под открытым небом на зеленом ковре мха. Искусанный, обессиленный, он увидел впереди просвет и с последних сил пошел к свету. Свет его обманул, это была не опушка, а лесная поляна — тихая, задумчивая и немного страшная. Гул пчел, застарелый скрип деревьев, птичий щебет не забивали тишину — они ее подчеркивали. На поляне загустел иван-чай, чернели тонконогие стройняги липы, путал ноги малинник и ежевика — пахло лесными сладостями. Среди диких яблонь и молодых березок адела духмяная земляника. В стороне захлебывался от холода чистейший ключ, а вокруг валялись бутылки, бумаги и пакеты. Паренек упал в густое разнотравье лесных медоносов и под колыбель диких пчел уснул.

Он был на этой поляне раньше — приезжал на коне с отцом и соседом. В чудеса не верил. В тот раз он пришел пешком, уставший и голодный. Заснул на обычной, а ушел с Чудной поляны — что-то родное и знакомое оставил в лесу. О чуде, к которому прикоснулся, не сказал никому.

Внук слушал рассказ и по лукавому взгляду старика понял, что тем любопытным мальчугоном был он сам. Ему тоже захотелось попутешествовать, — родную деревню он знал поверхностно.

Пасека

ДВА СЫНА ДЕДУШКИ Саша жили неподалеку. Младший фермер Сергей пропадал в поле, а старшой Иван помогал отцу на пасеке с утра до позднего вечера и почти без выходных. Жена и дети видели его мало, домой он приезжал глубокими сумерками, валился с ног в омутной сон, а днем снова пропадал.

— У лясу, с пчелами етыми, черт невдобный.

Жил он на другом краю села в небольшом тесноватом доме, двенадцать ульев держал с отцовыми. Иван плохо видел, часто болел — ему стукнуло сорок. Любил природу, рассуждал о красоте, пчелах, звал на шашлыки:

— Вот вы, знаете как чудесно утром в лесу? Вы придите, посмотрите — всю жизнь я у лесу.... А наши луга — их же хоть кистью пиши! Чудо! А пчеловод — это же долгожитель! Пчелиный яд любую хворь выведет. Но живет долго пчеловод от любви к пчелам и природе.

Олег знал дядьку плохо, судил по его словам, верил, вкусу.

Иван заехал за отцом и племянником в девять. И давай наставлять.

— Ты Олежек еще не пожил и мало что видел. И о пчеловодстве ничего не знаешь. А собрался работать, помогать деду! Там, у лясу, ведь каким надо быть? Идеальным! А идеальный пчеловод какой? Поживешь, увидишь.

Олег представлял идеального старичка-пчеловода: старинно-одухотворенного кудесника, мудрого и очень доброго. Выходил он с рыжей бородой и волосами, с лицом забрызганным веснушками — помеченным солнцем.

— Ну, какой батя рыжий! Пчеловод как пчеловод. И вовсе не рыжий.

Пчеловод действительно выглядел обычным дедушкой-добряком. Что-то общее у него было с Васнецовым.

Дядька зашел в дом, нагнулся жестяными ящиками. В них лежали пчеловодные рамки. С Олегом положили ящики в коляску мотоцикла и поехали на пасеку.

— Трех мациклета не вазьметь.

Стоял сухой июнь, и уже с утра густо варились маревы по болотам и ручьям. Бормотал мотоцикл, бормотал дядька. Олег его не слышал — в ушах свистел ветер. Он щурился и прятал го-

лову за спиной дядьки — в лицо били мошки и мухи.

Луга захлебывались в пенных волнах цветов и терялись на больших просторах, дорога петляла, кашляла пылью. Горячий ветер обжигал травы, и дурманило сеном.

В стороне хмурился большой, матеро-волчий лес. Олег уже бродил в нем среди лип, кленов, дубов и осин. В лесу даже в полдень застаивался зеленоватый сумрак. В темных чащах то хрустел песком, то скрипел-жевал резину жесткий хвощ.

— Коровы стирают зубы до корки об его.

На лесных дорогах сверкали чистейшие лужи, докучали комары и дорога пропахла черной смородиной. Затерянный в кустарниках, припрятанный лесом точок, иначе пасеку, парнишка не заметил. Вообразить что-либо в этом диковатом местечке было сложно. Пасека уединилась, приниженная низинкой. Лишь отойдя подальше на пригорок широченно бросались до самого горизонта луга.

— Для пчел самое то, не жизнь — сахар.

— А что еще надо. Кругом мед.

В непроходимых малинниках тонкие старухи-липы. Приглушенными, не крикливыми нестеровскими мазками пестрели околосечные медоносы.

Они стали в тени леса у расстрёхи ольхи. Едва двигатель заглох, проснулись разноголосое эхо в этой неведомой стороне. Ударилась в тихий звон птицы, чисто ойкнуло эхо.

Пасека очаровала тишиной. Тишина была необычной, совсем не глухой — переплетенная песнями птиц и пчелиным гулом. Гул пугал Олега.

В низине у лощины колосился тростник, небольшой гаванью к лесу вливался луг, присоседался к дороге огород. И такая у леса застаивалась прохладная, вязкая тень, что казалось, сырость не выдохнется и в жаркий полдень.

Запищали комары — тучей налетели. Дядька не отбивался от них, а мальчишка раздаривал себе хлесткие оплеухи.

Бурьян окаймлял пасеку. В нем утопал плетёный орешниковый заборчик, а из тени пестрела цветами часть ульев. За калиткой открывалась панорама пасеки. Потом Олег насчитал более сотни ульев. На большой выкошенной поляне стояли ульи: низкие, двухэтажные, длинные—лежаки. Ульи сидели в легкой дымке — невесомом утреннем тумане. Белесо сверкали крупные росы на травах, железных крышках ульев. Под сенью леса темнел домик, почти с плоской низкой крышей. Вместо трех стен — рамы со стеклами.

— Шалаш.

Напротив, через дорогу — навес.

Они вытащили ящики, дядька подал старый и мокрый медицинский халат, пропахшую дымом дырявую сетку. Сетку Олег заправил под ворот рубахи, руки спрятал во влажные карманы.

— Шерстяных вещей пчелы не любят.

Олег сел на пустой улей под навесом. От большой кучи затхлых потемневших рамок несло легкой кислинкой. В стороне лежали груды тряпья, в белых мешках крупные стружки сосны. Пчелы ползали по мокрой траве у навеса, рядом с просыпанной солью. Все было непонятно и любопытно.

— Смотри, не маши руками! А вообще пчелы мирные, если не трогать гнездо — сказал дядька и поехал за отцом.

Олег со страхом осмотрел пасеку, которая ухнула разом — загудела. Шел медленно и останавливался, если в него врезались пчелы. На солнечной стороне пчелы вылетали дружно, а в тени кучковались на прилетной доске у летка. В миске с водой и ветками пчелы собирали соленую воду. На некоторых ульях лежали рыжие гнилушки — трухлявая сердцевина ивы. Олег уже знал — трухой распаливали дымарь.

Дюжина молодых лип почти не давали тени, а на окраине луга, позади заборчика колдовали запахами старые липы-колдуны — должно быть ровесницы Перуна. Они были толстыми и корявыми — старыми хранительницами пасеки. Не заметить их было сложно. У плетня чахли иссушенные вишни, дичала культурная малина, хотя лесная ягодила изобильно.

Олег уселся на старый улей и слушал тишину.

Иван вернулся минут через двадцать. За мотоциклом на красной ауди ехал Сергей. Дядька заехал под ольху, машина остановилась позади.

Дедушка протянул крупную мозолистую ладонь и крепко пожал внуку руку, словно они и не виделись утром.

— Как оно?

Улыбка не сходила с его детского румяного лица. Густые брови и волосы лишь недавно затронула седина. Кривились лишь крупные мимические морщины, мелких же совсем не было. Дедушка приехал в спортивных штанах, натянутых немного на живот и перевязанных резинкой, синем пиджаке, и не застегнутой до половины рубахе.

Живенький старичок вставал в пять утра, ходьбы не боялся, бывало и до леса добирался

пешком и там оставался ночевать. Ко всему, что касалось пчел, относился ревностно, не любил ленивых и сонь. Знал медоносы и разбирался в погоде.

Заложив руки за спину, без сетки, он осмотрел пасеку. Пошел с чуть опущенной головой, а замечал многое.

— Ну что, поможешь нам? — спросил Сергей.

— Да.

— Молодец! А ну идем, глянешь, чем мы тут занимаемся!

Работа

— **ВАНЬ, РАСПАЛИВАЙ** что ли, — сказал дедушка.

Дядька достал из-под улья старый, закопченный дымарь, вытрусил пепел и уголья. Набил его крупными стружками, сверху положил гнилушки. Запалил, нагнал мехами воздух, раздул большое пламя. Потом из носика повалил густой белый дым. Дедушка накинуд одурманенный дымом, прополисом и медом халат, застегивать не стал, панамой надел сетку — работал с открытым лицом.

— Ну что, давай, что ли?

— А? Ага... ага.

Стали вокруг улья. Дедушка снял мокрую жестяную крышку. Убрал утепление: старую одежду и мешки. На железную станину, обтянутую тканью поставили верх.

— Маленькие верха — это магазины, крупные — корпуса.

Рванули гулом пчелы, поползли наверх и разом ударили в одежду — закружились. Олег топтался в стороне, вымочил в росе ноги и пожалел, что не обул галоши. С опаской подошел к улью, заложив руки за спину. Дядька пускал дым: по краям рамок, а потом в середку. Пчелы ушли внутрь, гудели в глубине, пчеловоды подняли рамки. Дымарь пыхтел, захлебывался дымом, пахло медом и смолой.

— Прополисом. Пчелиным клеем.

В улье кроме параллельно поставленных рамок, ничего не было. Дедушка достал светло-желтую. Пчелы на ней копошились как будто хаотично, плотно ее обсиживая. На дне ячеек блестел мед, краснели и желтели мучнистые комочки пыльцы. Рамку почти не смотрели — приставили к углу соседнего улья, в тень.

— Олег!... Олег! Отойди от летка!

— От летка! Пчелы с того края идут!

Мальчишка загораживал вход в улей, и пчелы тучей вились вокруг.

Рамки поднимали по очереди, что-то искали. Дедушка срывал пальцами трутневый расплод, орудовал ножом как мастихином. Молочно-восковые личинки незрелых трутней вываливались в улей, закапало прозрачное молоко. Иван швырнул расплод в ведро к закисшим обрезкам. Стамеской, а по-простому, отковыркой, оторвали склеенные прополисом рамки.

— Сев есть?

— Да, — ответил Сергей, и наклонил к Олегу старую, черную рамку. — Видишь на дне ячеек маленькие белые палочки? Это яйца матки.

Но Олег ничего не разглядел в черноте.

Показали черву — запечатанный пчелиный расплод.

— Из него выходят пчелы.

Длинные сосульки — маточники — их сорвали.

— АХ, ЗАРАЗА!!! — выкрикнул дедушка и отдернул руку от рамки. Теранул ладонью по халату и забыл. На его ладони пульсировал маленький бело-бурый комочек жала.

— Вань, дыми, дыми! — спохватился Сергей, когда пчелы загудели, выползли наверх, закружились и ударили в сетку. Запахло кисло-сладкой конфетой — пчелиным ядом.

Дядька нервно и наугад дымил, пыхтя в улей летел густой дым. Его несколько раз ужалили за руки, ужалили Олега и дедушку.

Медленно пчелы ушли вниз, улей взорвался тяжелым гулом, а потом затих... Снова поднимали рамки. На одной бросилась в глаза крупная пчела, с длинным и толстым брюшком.

— Матка. Царица.

— Главная в улье. В день откладывает до двух тысяч яиц.

И снова особая пасечная тишина.

— Такой тишины больше нигде нет, — нарушал лишними словами уединение Иван.

Пасека обрела голос — в пчелином суетном гуле утонули посторонние звуки, увяз птичий щебет. И все же, это была тишина.

Работали больше молча.

Поставили на место корпус, приступили к осмотру магазина. С хрустом оторвали бурый тонкий холстик, заклеенный прополисом — жесткий, что загрунтованное художественное полотно. На холстике задавили жирного червя моли. Опять вытащили первую рамку, прислонив ее к углу улья. Вяло дымнул Иван.

— Искусственную, па? — спросил он, дымарь передал племяннику и поплелся за вощиной под навес. Плелся он сгорбленно, плетью опустив руки, наклонил голову и глядел под ноги.

Небо стускнуло, выгорело от солнечных бликов. Высоко-высоко тонкими перьями плави-

лись облака. Ущербно прижалась трусливой сучкой к лесу тень, обсохли росы.

Голова у Олега отяжелела, постукивало в затылке. Противно липла рубашка к телу. Всякий раз парень вздрагивал, когда пчелы ударяли в руки, прятал пальцы за мехами дымара. И едва не выронил его, прикоснувшись к горячему металлу.

— Дымни. Сильнее, не бойся. По кругу и плечикам рамок.

Олег неуверенно надавил на меха, из носика тоненькой струйкой выглянул дымок. Сергей подымил сам.

— Ты не бойся, пчелиный яд полезен. Никакая зараза не возьмет.

Дедушка больше помалкивал, только крихтел, когда за его большие шишковатые пальцы жалили пчелы. Когда ему в нос угодили подряд четыре пчелы, опустил сетку. Потер нос, вытер выступившую слезу.

Стояли в одном положении. За час осмотрели пять ульев — вытягивали рамки, ножом что-то срезали.

Жарко подмигнуло солнце из-за леса и вышло на пасеку. Тени провалились под лес, и пчелы вихрем закружили голову. Дядька забрал обратно дымарь, а парень стоял в стороне.

— Сегодня присматривайся, а завтра Сергея не будет, помощником будешь.

Олег дернулся, когда что-то сильно обожгло щиколотку.

— Ужала?

— А, овод? В этом году их жуть как много. Не дадут работать заразы.

— Лучше бы пчелы жалили, — сказал дядька.

Деревенские путали овода со слепнем. Слепни забились между халатом и рубашкой, гудели и ползали по спине. Олег принимал их за пчел, ждал, когда плечо пронзит острая боль, и в воздухе повиснет запах яда. Потом на ноги намотал тряпки и заправил их в носки. Ноги в них парились еще сильнее.

Сергей срезал с сотов восковую мисочку с белой, густой массой внутри и протянул на лезвии маточное молочко.

— Попробуй, и бегом на село к девкам. Хороша штука!

Он широко улыбнулся, Олег хохотнул, дедушка крикнул.

От кислотовато-сладкого молочка выступила слюна, затем пришла жажда.

— Вода в роднике у лесе.

Пятилитровую бутылку поставили во влажной низине в мокрой яме. Все лето в низине застаивалась сырость, лужи не высыхали даже в жару, вода покрывались разноцветной бензино-

вой пленкой и отсвечивала ржавчиной. Тропка к роднику утопала в бурьянах, даже ольховый лес стоял в крапиве по колено, обвитый ежевикой и малиной. Под сенью деревьев пищали комары, тянуло сырой мятой и перегноем, сильно пахло крапивой. В яме лупатились лягушата.

Олег умылся солоноватой водой, намочил горячие волосы, сетку и вернулся. Пчеловоды окончили ряд, и переставили железную станину на следующий. Дымарь, поставленный на дороге, пускал густой дымок. Мужчины курили, дедушка поглядывал на улья.

Полдень

ЗАЛОЖИВ РУКИ за спину дедушка задумчиво подошел к станине.

— Ну что, пошли. Два ряда пройдем и обед.

Ни чем новым работа не отличалась. В одном улье пропала матка, из другого вышел рой. Там не нашли сев, там старые маточники. В маленьком улье пчелам не хватало места, они особо гудели, готовился уйти рой. Чтобы этого избежать сверху поставили пустой-бездонный улей-магазин с пустыми рамками и вощиной, маточники сорвали.

— Теперь будут работать, ни куда не денутся.

В других семьях обрезали трутневый расплод, из сильных семей отбирали густо зачервленые рамки и уносили под навес в пустой улей. Ставили в сильные семьи искусственную вощину... Столько всего. Голова у парня отяжелела, пульсом пробивало шею. В тишине проходили минуты, а нарушали тишину короткими фразами:

— Сев есть!

— Матка на моей рамке.

— О, зараза оттянул!

Олег смотрел, запоминал, что-то домысливал.

— Нет?

— Не вижу. А на той рамке?

— Сева нет, — пояснил Иван. — Когда в семье пропадает матка. Семья может и погибнуть.

Иван слизнул с носа капли пота.

Пчеловоды еще раз осмотрели рамки. На улье угольком дедушка оставил пометку.

— Па, нести клеточки?

— Угу.

— Они в шалаше, — сказал он Олегу. — Маленькие, с железной сеткой. Прямо около двери.

— Смотри осторожнее, — бросил вдогонку дедушка. — Там может быть козюля.

Огрызнулась-скрипнула старая дверь.

В прохладном шалаше билась муха о стекло — навевала сон и крепко сладило медом. В «шала-

ше» качали мед и хранили рамки. На уборку не хватало времени.

На старой кровати подушки, матрас и одеяло перемешались в куче — не до сна на пасеке. На перевернутом улье скорлупа, деревянные хлебные огрызки и вялый темный лук в рассыпанной соли. В углу погрызенные мышами дырявые рамки. На них клеточки, липкие от меда.

Пока Олег копался, дедушка приподнял крышку крайнего улья, из-под мешковины достал заляпанные медом спичечные коробки с молодыми матками. В одном, увязнув в меду, лежала мертвая самка, разбежались маленькие черные муравьи.

— Надо было плотнее закрывать. Э-эх.

Чуть раздвинув рамки, он ткнул сот пальцем и обтер об угол коробка — покормил маток. Взял крупную светло-бурую самку, запустил в клеточку и поставил в осиротевшую семью между рамок. Таким образом, семья привыкала к запаху матки, у царицы появлялась свита, кормила ее и защищала в случае чего. Матку выпускали — она пропахла ульем.

— Без клеточки пчелы убивают цариц.

Солнце раскаленным шаром уже стояло в зените, вялило скошенную на рассвете траву. Луга уащенно дышали сеном, издалека — с покоса. Застыли в одной позе редкие облака. Пчеловоды часто и жадно пили воду, от быстрых глотков она комом застревала в горле. Олег с надеждой смотрел в небо, но кроме мелких перьев ничего не заметил. Горизонт медленно оплывал, размытый маревом.

До двух часов дня окончили два ряда: пятнадцать ульев. Когда осматривали последнюю семью, Иван ушел готовить обед.

Запахнул газ из баллона и полетел вольной птицей над пасекой запах жареного картофеля. Иван разогревал уже готовый и одновременно варил щи с молодым щавелем, убирая грязную пену с пчелами и мошками. От жара из горелки его лицо покрывалось крупными каплями пота.

Обедали в центре пасеки на перевернутом улье под палящим солнцем. В тени поедом съедали комары. Пчелы кружили над головами и собирали в кружках сладкую воду.

На промасленную газету поставили черную сковороду с дымящимся жареным картофелем. Затем все остальное. Яйца потрескались, желток прилип к соленым огурцам, да и огурцы до стали мятые. Хлеб взмок-раскис от огуречного сока. Белые молодые луковые головки кусали с хрустом, густо макая в крупную соль, отрывали зубами сало и жир тек по губам, и губы лоснились как это сало. Из железных кружек вылили стывший вчерашний чай, с мертвыми пчелами на дне. Мутный как самогон квас на березовом соку пили и не морщились.

После обеда Иван под навесом отбивался от комаров, Сергей курил, дедушка посматривал по сторонам. Он рассказал, как когда-то пасека стояла в лесу на поляне, и было у него менее сорока ульев.

— А сколько меда раньше было в дуплах, да, пап? — говорил Иван. — Не то, что сейчас. Сколько? Пудов двадцать бывало? Это же сколько...? Триста двадцать кило... Шесть фляг. Во, Олежек!

И Олег легко представил в огромных дуплах столетний мед, который запахом перебивал даже осеннюю прель леса.

Он недолго отдыхал в тени улья, а затем пошел купаться к обмелевшему пруду, выкопанному весной в низине. В пруд запускали карасей, карпов, белых амуров, но зимой они задохнулись. Рыбу ловили лишь, когда ночевали на пасеке.

Лягушки затихли и дружно прыгнули в воду, когда он подошел.

Он окунулся прямо в одежде и потом еще сидел на берегу и щурился от солнца.

— Ну что, пошли?

Вечер

ДЕНЬ затянулся. Вылиняло и стало блёклым небо. Мелкие перья облаков выросли в громады, теснили друг друга, проступали грозовой синью. Но гроза не пришла, и лишь к семи жара чуточку спала.

Пчелы выползли из ульев и повисли бородой. Олег разглядывал бороды почти в упор — агрессивные среднерусские пчелы его не жалили.

Дедушке досталось, за день он перенес более тридцати «укусов». Пчелы не добирались лишь до Ивана, который застегнулся на все пуговицы и одел плотные штаны. Каким-то образом они не ужалили его и за руки.

Когда оканчивали ряд, дедушка достал из корпуса чистую от расплода и перги медовую рамку, порезал и дал внуку истекающие соты.

— Вот! А то побыл на пасеке и медку не попробовал!

Уже без Олега оканчивали улей, а он жадно жевал сотовый мед, выплевывал воск на стол и хлебал воду. Первый рабочий день подходил к концу.

В семь засобирались домой. Дедушка еще раз обошел пасеку, постоял, поглядел, помолчал.

КУ-КУ, КУ-КУ, КУКУ-КУ, КУКУ-КУ... — разносилось по округе, аукалось в лесу и подчеркивало глухомань этих мест.

Духмяно-медовыми дурманами-туманами затянуло луга. Пах-цвел вечер, хотя давно отцвели сады, и еще не медавалась липа с гречихой. Из влажных лощин доносились и другие вечерние звуки — пели соловьи.

Тишина

ЛЕС МЕДЛЕННО темнел, исполосованный густыми фиолетовыми тенями. Солнце клевало носом и напускало дремоту. Лес притих, штабелями укладывая темень все глубже и глубже в

свои чертоги. Горели лишь верхушки деревьев и не давали света.

Игорь бродил в лесу с полным лукошком грибов давно, и думал, что заблудился. Грибы запарились — белоснежная губка подосиновиков грязно-посинела, а плотные подберезовики раскисли.

Сырой лес пах грибами и лишь раз откуда-то прилетел тонкий лирик дым, и тут же пропал. Игорь часто обманывался — принимал лесные поляны за опушки.

Он ощутил дымок снова. Дым бродил по лесу одиноко и невидимо, и был явно не костровой. В нем едва ощущалась непонятная сладость.

Игорь придал ходу, лес просветлел дальней опушкой и открылось широкое окно — дорога. В окне сверкнуло красное предзакатное солнце.

Дорога вильнула влево за лес, а справа чуть открылась широкая, хорошо припрятанная поляна. На поляне, прибоченившись к лесу, стояла большая пасека, окруженная вместо забора широкой стеной бурьяна. Дым шел с пасеки.

Игорь стоял у опушки и дивился разноцветным ульям. Он слушал пасечную тишину с густым настоем пчелиного гула. В гуле вязли остальные звуки, даже звонкий птичий щебет. От гула было уютно как-то по-домашнему и не одиноко. Половина пасеки уже ушла в тень. Игорь присел на трухлявое бревно и впервые за день ему не хотелось никуда идти.

— Вань!

Человеческий голос вжикнул на пасеке и отзвенел в лесу. Снова занемела тишина. Замерев, трое мужчин в белых халатах склонились над ульем, окруженные дымом. Игоря они не заметили, как не заметил сперва людей и он, глядя почти в упор.

Легкий вечерний бриз донес до парнишки сладковатый дым. Дым больше пах медом чем дымом. Парень чуть не сошел с ума от сладости и захотел пить.

Он сидел на бревне, а потом пошел краем бурьяна на луг, прилег на сомлевшую траву и закрыл глаза. Ничего кроме гула и вечерних птиц он не слышал, а потом увидел на дороге мужчин. Пчеловоды уходили с пасеки — так же тихо, как и работали — лесными эльфами.

Сон

ДЕДУШКА СКАЗАЛ, что спать днем на пасеке нельзя. И сказал правильно. А спится там, между тем, очень сладко, в прямом смысле слова. Олег вспоминал его слова, но противиться при-

вычке и организму мог не всегда. Порой в обеденный перерыв он засыпал, и спал с чистой совестью в самый разгар дня.

В жару, когда слепни ужасно жалили за ноги и на пасеке отвисали пчелиные бороды, его нестерпимо клонило в сон. Пчеловоды работали, потому что хорошо работали пчелы, и парнишка часто путал лёт пчел с роем. Постоянно по сторонам, работал в полудрёме, делал все слепо-механически.

На лугах у сырых лощин лоснилось и перекачивалось с одного бока на другой жирное мажево. С лугов дышало сухим сеном, и запах этот перебивал даже медовый дух. А перебить его не так-то просто! Чернели тучки, ворчливо слетал с языка раскатистый гром. Но дождь полосой проходил мимо.

Пчелы, увлеченные работой, забывали о пчеловодах. Олег снимал халат и рубашку, открывал лицевую сетку. Но даже обнаженный по поясу, облегчения не чувствовал. Дым неприятно обжигал руки. У Ивана они так прокоптились, что даже после мыла запах не исчезал.

Раскаленные крышки ульев порой роняли. Отрывали холстики, и вместе с невероятным запахом гречишного меда задыхались в смолах прополиса! Прополис не сухой — тянулся расплавленной жевательной резинкой и лип к рукам. Следы от него долго не выводились.

Пчелы вылетали из летка, и вместе с ними летел тяжелый медный запах. И от него хотелось сильно пить. Олег пил воду, но она тут же выходила с потом — жажда не исчезала.

Уморенный жарой, он засыпал после обеда в тени улья на голой земле. Тяжелый, застывший воздух придавил жаркими испарениями, гул убаюкивал и глаза закрывались. Но сон не наваливался свинцом как ночью — спалось на пасеке недолго. Не успел прилечь — надо вставать, работа не ждала.

До раннего вечера Олег работал как во сне. А когда все засобирались домой, решил остаться. Постелил на траве старый матрас, и прилег в тени. Солнце опустилось, и опрокинулись глубокие тени. Но лежал он недолго — не спалось. Сначала наблюдал за пчелиной бородой, затем заслушался гулом пчел и звонкими переливами птиц в темнеющем лесу. А когда наступила ночь, вместо того чтобы спать, пошел к пруду.

Он развел костер и просидел до полуночи, пугаясь ночных звуков. Высоко взлетали искры, огонь горел в воде, в тишине причмокивали караси, да лопались пузыри воздуха в воде. Месяц еще чуточку прибавил в весе. Он взошел сразу в двух местах: из тумана и в отражении из зарослей камыша. Какой тут сон!

Рой

ВСЮ НОЧЬ крутились-вертелись шорохи, а затем установилась тишина. Только за оградой в бурьяне стреляла невидимая птица, совсем ее не нарушая. Тишина проникла в дом, и закралась в спальню. Ночь напролет далеко вспыхивало зарницами небо, вместе с всполохами моргал дом, тучи горели-переливались цветами. Дождя ожидали, и все же дождь пришел внезапно.

Гроза рванула в утренней тишине, опрокинула эхо в колодец и быстренько притихла. Старик проснулось в немой тишине и не сразу понял, что за окном дождь. Он напускал сонливость, вставать они не хотели и быстро заснули.

День долго ленился и потягивался — серое небо затянуло рассвет. Набухшее небо волочилось по земле, дождик то стихал, то припускал, по-осеннему — с горечью. Когда он затих, в воздухе провисла невесомой пленкой морось, а потом хлынул осенний ветер. Так в июле пришел холод.

Почти неделю на пасеке не работали. Олег скучал дома, а когда дождь стих одел шерстяной свитер, кепку и галоши, пришел на пасеку. Забрался в шалаш и читал в глухой тишине. Дождь просился в дом — выстукивал. В лесу обманчиво гулял-выл волком ветер.

Потом пришел дедушка, прослушал ульи и сел под навесом чинить инвентарь. Олег слушал, как постукивает молоток и как дрожит простуженным эхом звонарь лес. Природная тишина шумела ветром, гудела, звенела каплями.

Неделю пчелы трутнями сидели в ульях — мед не приносили.

— Как распогодиться, пойдут бесы роиться.

Но ненастилось два дня, и когда в полдень проглянуло голубое небо, началась работа. Пчеловоды приготовились к сложностям и поглядывали по сторонам. Дедушка доставал сухие безмедные соты. Пчелы взбудоражились роем.

Распогодилось далеко за полдень. Поднялся лёт, тревожно загудели пчелы. Горячими стали лужи и жарковато стало работать в свитере и галошах.

— Рой! — крикнул дедушка.

Определить где пчелы клубились сильнее внук не смог. Побежал за роевней и шестом, дедушка досмотрел улей, Иван ушел за водой.

В соседнем ряду над маленьким ульем клубилась туча. Пчелы выстреливали из летка на землю, не успевали взлететь и ползали по траве. Рой стрелял и стрелял, густел, поднялся большой темной тучей.

Олег стал в самую тучу, подпер шест плечом и ждал. Дедушка приготовил пустой улей, поставил его сухими рамками и вощиной. Но на роевню пчелы не обратили внимания.

— Точно уйдет, — не выдержал Иван. — Сколько сил впустую уходит, правда, пап? Уйдет!

Дядька не ошибся. Рой отлетел в сторону и стал оседать на верхушке низенькой березки.

— Ээ-х, упустили. Время, время же...

Парнишке казалось, что дедушка беспокоился не за время, а больше за лес. Каждый раз пилить деревья — разве напилишься. Тем не менее дерево подпилили, оно с оглушительным треском ухнуло на землю — сыпанул клуб, а остаток тучей завертелся вокруг.

Роевые пчелы не ужалили.

— Редко когда жиганеть.

Перед роением они набрали в брюшко мед для строительства гнезда.

— Дышать им нечем, куда там жалить.

Чтобы ужалить, пчеле необходимо изогнуть брюшко, но переполненное медом, оно не сгибается.

Роевню повесили на дерево, ближе к остаткам клуба, пчелы слетались, садились на веточки и листву, людей.

— Матка зайдет, тады все зайдут.

— Кабы не подавить.

Дедушка сбил остатки клуба, и большим шевелящимся комом пчелы посыпались внутрь. Он набил полный рот воды и брызнул на насекомых. Роевня отяжелела, ее накрыли тканью, обвязали бечевкой, а вечером пчел ссыпали в подготовленный улей.

Новиков приехал домой ранним июльским утром. Бурьян во дворе махнул через забор и даже собачью конуру на телеге скрыл репейник.

После завтрака, в одних штанах он обкашивал подвал. Покосил за домом, вокруг забора. Уставший, прилег в тени липы, быстро заснул и не слышал как нарастал тихий гул. Проснулся он неожиданно, и остолбенел.

Большой коричневый желудь-рой висел на веточке и колыхался от ветра. Пчелы ползали по веткам, сидели на листочках, летали, падали и снова поднимались. Новиков вздрогнул, когда одна пчела упала ему на лицо. Он чувствовал как она касается щетины. А затем тонко кисломолочной конфетой запах яд. Мужчина вздрогнул, в припадке страха придавил пчел и рванул с места лишь огнем ошпарило живот.

Он выбежал со двора, и ему все казалось, что пчелы его преследуют. Вздунулись беловатые пуговички, с красными малюсенькими пятнышка-

ми. В пуговичках дышал-пульсировал коричнево-желтый комочек.

Назад он возвращался медленно, в дом забрался через открытое окно и позвонил дедушке Саше. Пчеловод пришел в старом пьяно-медовом халате. Из приоткрытой двери мужчина наблюдал, как он, без сетки снимал рой.

Пчеловод забрал рой, Новиков снова косил, широко-вольготно взмахивал косой — рубил сгоряча почем зря. Вжикало лезвие, летели полые стебли сныти, лишь в мясе лопуха лезвие тонуло и не сразу перерубала большеухого кра-савца.

Пчела рубанула мужчину с маху, скрюченная оторвала от брюха жало и полетела. Потом ударила Новикова в живот, в плечо, и запуталась в волосах. Еще две пчелы ужалили его между лопатками. Он опять побежал к пчеловоду.

Дедушка Саша осматривал липу внимательно. Пчелы мирно собирали с цветков нектар — никакого роя.

— Ты глянь что шельмы делают! — дедушка подошел к телеге. — Петро, да они твою будку облюбовали! Во как!

Пчелы поселились в будке, вход в которую мужчина закрыл еще весной, а вылетали из маленькой щели с боку. По всей видимости, рой залетел туда в начале лета. Обжился, оттянул соты, и к приезду Новикова так набрал силы, что сам отроился. Соты дедушка срезал, струсил пчел в роевню и забрал домой, более тридцати килограммов меда оставил Петру. Зимой тот лакомился медом, а весной поставил на телегу пустой улей и ждал нового роя.

Сиреневое буйство

ПЧЕЛОВОДЫ ЕЩЕ не доехали до села, когда издали в глаза бросились большие шапки сирени; белой, фиолетовой и розовой пеной взбились кустарники.

— Пять лет не был здесь, — сказал Иван. — Первый раз неделю жил этими впечатлениями.

Издали село казалось живым, дома стояли целёхонькие, а когда пчеловоды вышли из машины — поразила тишина — даже собаки не лаяли. Только свистела, а потом дикой кошкой кричала иволга.

Уже задышался от запахов май. Цвела бузина — волновала запахами, облетали одуванчики, бурьяны буйно выпустили стебли. Они дополнили село.

Сирень набухла вдоль озера, легкая синева выливалась в густой кобальт, вскипала фиолетом, выкипала в белую пену. От яркости небо

уступало сирени в цвете, и стиралась грань между сиренью и облаками.

Питьевой воды в селе не оказалось. Разрушенные колодцы знали лучший век. Село медленно вымирало, дичало — последние жители на зиму уезжали в город. Но жило, делилось сокровенным, теплилось, одаривало любовь, переживаниями. Пчеловоды чувствовали все это.

— Какое мертвое?

Когда-то в селе жил барон. Согласно одной легенде, он был немного дурковатым.

— Скорее одержимым красотой.

Вероятно, поэтому в начале двадцатого века и высадил вокруг пруда сирень. Чтобы вечерами любоваться красотой фиолетовых переливов, и звонче по весне пели соловьи.

Но полюбоваться ему не удалось. Грянула революция. Дом барона разграбили, имущество растащили, осталась сирень — память о прежнем хозяине.

В село часто приезжали горожане. Чтобы помечтать, полюбоваться природой, утонуть в пышно-цветущих зарослях, посидеть над тихим задумчивым прудом, пожарить шашлыки.

Пчеловоды молчали, и село хранило особую тишину, не встревоженную детскими голосами, мычанием коров и хлопаньем дверей.

В селе они были недолго.

Потом Олег приходил в село в разное время года. Май оно тонуло в цветах яблонь, в духмяных кистях бузины, а июль вязло в липком запахе таволги. Таволга скрывала опасные тайны — в зарослях скрывались старые разрушенные подвалы и засыпанные землей колодцы. Упасть туда — ничего не стоило.

Однажды он пришел пешком и остался ночевать. Год выдался неурожайный — сирень почти не цвела — он не отвлекался на сиреневую красоту.

— Сирень каждый год надо обламывать, тогда она зацветет.

Он не верил — в селе почти никого не осталось — обламывать ветки некому. Ходил, смотрел, слушал. И бурьян дополнял село, грустил вместе с ним, а в сумерках заворазживал шорохами. На протяжении дня, не умолкая, глотали жемчуг соловьи — захлебывались трелями. Без сирени, село оставалось интересным — были бы люди.

Ива

САД НЕПОДАЛЕКУ от бабушкиного дома был дикий и заросший. Олег часто приходил в этот оглохший от времени и бурьянов уголок

покоя. Сад умирал в одиночестве — от хозяйского дома ничего не осталось, на его месте росла крапива и огромная лебеда. Сад был ничейным, и поэтому Олег стал считать его своим. Деревья в нем были старые и раскидистые, наполовину сухие, сучья на яблонях торчали во все стороны. Вечерами на землю гулко падали перезревшие яблоки. В конце августа сад начал благоухать второй раз в году, за сотни метров сладко затягивал песнь антоновский дух. Яблоки из сада казались желаннее, хотя у стариков были не хуже.

Вечером около сада сидели на лавочке. Олег собирался в лес.

— Куда? Ночью, на Ивана Купала? Гляди, не глуми...

— А что случится?

— Господь е знает, что случиться.

Олег стоял на своем.

— ОЛЕЕГ! — повышала голос бабушка, — Ты вот какойся дак ни чаму ты ня веришь.

— Но ведь несчастье и в другой день может случиться.

— Может случиться, так то знать никто не будет. Ну что...случилось, так что. А то сам на погибель пайдешь.

— Зато будет, что вспомнить.

— Да... КАМУ ВСПОМНИТЬ!? ТАБЕ ВСПОМНИТЬ!? Помнить жа ты нячого ня будешь!

— Почему?

— Во то-то...

— Я другой дорогой, через осинки.

— А я кажу не глуми. Удумал ешо. Раньше тое место какое-сь жуткое было, — говорила с поучением бабушка.

— Почему жуткое?

— Господь е знает, чаго оно жуткое. Жутко там было! Там ни тольки ночью, днем бягишь, и мурашки по коже! Едешь мимо, волосы дыбором встают... Вот жуда какаясь берет, как сюрумно тебе кто-то ловить. Оно и до войны эти белые осинки страшные были. А после войны сюда ходили пешки. И вот, тут у ракички, куда ведьмы слетались и до белых осинок, БЯГИШЬ ТАК АЖ УВЕСЬ У МУРАШКАХ! ВО! АЖ ТРЯСЕТЬ ТЕБЕ, ПОКА пробягишь! Щас уже нима ни чога.

— Ну вот, нима же.

— А ты почем знаешь? Тая ракичка уредная была. Шо уредная. Пряма у стежки как на пасеку иттить. Сухая-сухая. Узлял ее...Петька Хфилипов чи срезал, чи спилил. Ну, на каню дамой привязли котелки еты. Стали у печь ложить, а дым как повалить черный. Ни у трубу валить, а у хату — не успеаешь уходить. Как завизжить,

запишити у печи, и чаго там тольки не было... С визгом, гавканьем дым, — бабушка взяла паузу. — На тую-то ракетку ночью ведьмы слетались. А Петька дураком стал. Во! А ты говоришь, вспомнить...

Легенду об иве она рассказала позже. Было в ней что-то свое — деревенское. По легенде ивы раньше были красивыми девами-нимфами, дочками водяного. Каждую ночь выходили на берег, веселились, смеялись и возвращались к восходу солнца обратно.

— Всю ночь пели. А ча им еще делать лодырюкам. Петь да мужиков стревать на дороге. Поют, лаской манют, а ежели луна полная, так обязательно горе комусь. От них подальчека держись...

Но однажды нимфы не успели до заката вернуться в родной омут, и остались на берегах вечными деревьями. Как замерли на рассвете ивами, так до сих пор и стоят, опустив ветви в воду. Замерли давно, но, кажется, даже сейчас оживают, и не потеряли своего языческого очарования. Нашептывают над прудом заговоры, висит, но не на небе, а в пруду, полная луна. И только слышно как в зарослях камыша пугающе кто-то ухает.

Огромную языческую страхолюдину Олег потом действительно нашел неподалеку от пасеки. Ну, прямо не ива — столетняя старуха. Художник Анатолий часто писал ее корявый и приземистый силуэт. Знакомые любовались рисунками, восхищались умением художника, а на живое дерево не обращали внимания.

Сумерки и ночь

ПОЗДНО ВЕЧЕРОМ закончили топить воск. Горячие мешки с мервой — остатками от сотов, пыльцой и пчелиным сором, бросили в мотоцикл. Пар шел от мешков и топленным воском с медом перебивал подвальную лесную сырость. В заляпаных воском штанах Олег отнес мешки в коляску и прикрыл их тряпками.

— С час посидишь на них, глядишь и хворь не пристанет.

Пасеку заворожила обманчивая тишина — работа шла полным ходом. Труженицы всю ночь будут перебраживать-выпаривать из принесенного нектара лишнюю влагу — сладить туманы.

— Зайдешь на пасеку из лесу, прям удушит медовый дух — хоть воду пей.

Уже поздним вечером, когда солнце налилось алым соком, и будто от стыда выступили малиновые пятна на стволах, дедушка с Иваном

засобирались. Затарахтел консервной банкой мациклета, поднял пыль и оставил после себя горячий запах перетопленного воска.

Последний солнечный луч разбился в кровь о деревья, длинными мазками легли гуашевые тени, темными силуэтами-столбами притихли ульи. Далеко в вечернем воздухе заглох мотоцикл. В лесу отзвенела вечерним колоколом одинокая птица.

Олег остался на пасеке, и в стылых влажных сумерках, когда по-пластунски выполз туман, пошел в луга. Тихо трещали кузнечики, подергивал из болот коростель. Скрипы, всполохи птичьих голосов, кем-то оброненное слово причудливо переплетались с вечерними шорохами. Лес пугал звуками, воображение разыгралось — рисовались языческие персонажи. Страх выползал не из глухих чащоб — из глубин души подкрадывался осторожным зверем.

Парнишка спешил к зарослям лощины к дикой луговой луже слушать вечернюю симфонию жерлянок. Он называл ее прудом, хотя это была обыкновенная копань. В ней не было рыбы, только весной лягушки и жабы откладывали икру, а осенью пересаживали ненастье утки.

Сырым воздухом мертвецки-синюшный туман оросил травы. В этой сырости все пахло особо — каждый запах особняком. Хлебные поля — мукой, луга — сеном, из лесу залетный ветер принес осеннюю брагу. С дороги — духмяной пылью, приторной сладостью таволги из болотистых низин.

Ударило горечью полыни — вспомнились иссушенные солнцем пустыри на окраине села.

А сено как отдавало свое «я»! Кажется, так и пахнуть не может. За добрую сотню метров Олег почувствовал его, отыскал копну, и с трудом удержался чтобы не заночевать там. Сказал себе: «обязательно вернусь». Но не сдержал слово — ушел далеко, другая копна переманила. Он вышел на незнакомый проселок, и лишь по другому запаху узнал, где находится. Кисло и сладко тянуло коровьим потом, лепешками и парным молоком. Коров, наверное, прогнали часа три назад, а запах держался. Это так называемый коровник. Днем сюда с ведрами приходили бабы и доили коров.

В сумерках он сбился с дороги, бродил и вяз в травах, пугался своего воображения.

Осиротели стога сена, насупился лес. Раки-ты играли с остатками света, корячились-кривлялись сказочными персонажами. То тень мелькнула человеческим силуэтам, то грач слетел с ветви и резанул крыльями пустую тишину. А потом пошло-поехало, завертело воображе-

ние. Вроде тень легла на дорогу, а почудилось – нечистая сила язвит.

– Ау – ау, – гундело из леса нечеловечески. И звонкое эхо разносило очарованный сумерками звук.

Неторопливо и кряхтя опустилась на землю кликуша-ночь. Какой дом, когда самое интересное, что можно делать ночью...- это не спать.

Олег долго бродил заросшими тропками около неизвестного села. Село мигало редкими огнями, подмигивало силуэтами ракушек и домов. Он выдумал историю про ведьму на окраине, и шел к ней в гости. Как шел когда-то к одному чарующему черному омуту после бабушкиных рассказов о русалках и водяных.

На околице остановился и никуда не пошел. Крайний дом молчком-бочком притулился к ракушке. Огонек загорелся внезапно, тень легла на шторы, и сильнее забило сердце парнишки.

Траурно висела блеклая луна, Большая Медведица отражалась даже в оконных стеклах. Проплыло по небу темной вуалью и не закрыло луну приведение-облако.

Ночь он блудил, сбился с дороги, промок, устал – шел наугад.

Пасека неожиданно выдала себя запахом. Олег прошел бы ее мимо, если бы не заволновался сладкоежка-ветер и не выдал себя.

Тьма тьматущая на пасеке – не разобрать ничего. Спать в душном пыльном шалаше не стал. Постелил на земле матрас, и сырой сладкой прохладой укрылся до утра. Пчелы всю ночь гудели – убаюкивали. Какое-то время пытался побороть усталость, а потом провалился в глубокий сон. Проснулся ранним утром в густой шапке тумана. Волосы сырые, и крупная дрожь пробивала тело. Еще не взошло солнце и пчелы сонно ползали у летка.

Луга

ДНЕМ НАПЕВАЛИ-ВОЛНОВАЛИСЬ травы, заливался жаворонок, стонали лягушки в лощинах. Среди неоглядных далей широченно раскинулось небо и утонуло в своей глубине. Взбитые в пену гречаные поля приворожили облака. Луга

перекликались с полями, бродили в перелесках, окружали лощины, пропадали за пригорками. Рябила пестрота лугов. Прибой амми зубной, цикория и желтушника-зверобоя разбивался об утес пасеки, а там уже накапывал чертополох, и смущался в пол силы бодяк целой розовой полянкой.

Олег услышал, что из города в село приехал столичный художник и два дня жил у старушки на окраине. Иван приехал на пасеку в одиннадцатом часу и подробнее рассказал о нем. Художник писал русскую природу и маленькое провинциальное село очень любил. Дядька знал художника и гордился этим:

– Луга ему понравились. Третий день рисует. Сегодня красивые виды как будто ищет.

Олег подумал, что художник где-то рядом. После обеда, несмотря на парилку, надел плотную одежду.

– Вдруг слепни заедят.

Он пошел искать художника.

Парнишке было интересно, какие дали того интересовали. Он оглядел поле гречихи, дошел до фацелии, но художника не нашел. Промаяхнулся мимо дороги прямо в уединенное место медоносного цикория. Среди лугового разнотравья в уединенном припущенном местечке грустили нестеровские духовно-болезненные березки и маленькие сосенки. Даже в июле это место малость скорбило, наполненное тихостью и затаенной печалью. Не хватало только белокаменной церквушки — святость просилось в душу, хотя места эти давно не слышали колокольного звона. Олег попал в край тихих душевных омутов. Но художника и там не оказалось.

Он бродил долго и опоздал на работу.

Спустя час художник сам пришел на пасеку. Он нес на плече небольшой этюдник и сумку, а в руках два исписанных картона и старался не задеть травинки.

Художника в селе не любили за пышные устаревшие наряды, вызывающе белый и потрепанный пиджак, бескозырку и замусоленную бабочку. В округе он слыл чудачком. Его не считали художником, избегали, потому как Анатолий был не очень опрятен. Жил он в Москве, а лето пропадал в глубинке. Дом купил на окраине села, старый, однобокий и косоый. Говорил, что это не главное в искусстве.

Пчеловоды отложили работу и разглядывали творения, к которым прилипли мошки.

Художник выложил из сумки на улей бутылку водки и закуску. Быстрое знакомство так же быстро перешло в легкую беседу. Он цитировал Тараса Шевченко и Бунина, говорил об искусстве, пересказывал с писателей на артистов и скульпторов.

— Я ведь и сам занимался пчелами. А тут вы, почему бы не познакомиться!? Дай, думаю, зайду, все равно поблизости.

— Пчеловоды тоже художники, они больше чем кто-либо прославляют луга.

— К вам бы Левитана сюда, а то сил не хватает осознать все это.

Взрослые разговаривали, а Олег осматривал этюд и пытался представить, что за место писал художник. К его большому огорчению, ни гречихи, ни фацелии на этюде не было. Лишь бездонное небо тускло голубело, в голубой тусклоте безграничили дали, однообразно волновались луговые травы. Этюд показался ему однообразным и недописанным. Художник написал его крупными мазками — видимо мастихином.

Анатолий рассказывал о природе, а Олег долго недоумевал. Как так! Обычные луга! Да что в них такого!? А потом заново присматривался к его работам, которые стояли в тени.

Анатолий скакал по темам.

— Знаете, дядь Саш, я ведь больше люблю заливные луга. А у вас тут одни суходолы. Уже думал: зачем приехал. А потом привык, суходолы-то какие!

— Я тут вот о чем подумал. Писал, писал и как шарахнуло! Только представьте, вдумайтесь — луговые просторы создал человек! Разве не удивительно? В дикой природе лугов никогда не было, а мелкие лужайки — разве ж то луга! Ни огромных заливных, суходольных и низинных лугов сроду не было. Каково! А тут, бах и такую картину человек написал! Чем не Бог! А вымрет деревня — пропадет картина... Луга-то не косят — зарастают ...

Олег вспомнил луг у села, где раньше росла ковром гусиная лапчатка, а сейчас цеплялась крапива, бодяки и другие колючки. Но больше всего луг зарос стройным, пустотелым, нежнейше зелено-желтым пастернаком. Луга за селом одичали ивами, а кое-где уже шумели тонкие березки. Участки луга приходили в негодность и косари с этим ничего не могли поделать — косарей становилось мало.

— Только подумайте, что человек-то создал! Луг это не одно слово, луг это очень много — целый мир. Одно слово — луг, а сколько вмещает понятий и других слов. Заливные, низинные и суходольные, медосбор, сенокос, разнотравье, ночное. А эти приятные простор, дали, раздолье, приволье, окаёме-горизонт.

Олег слушал художника и понимал, что человек приложил руку с нежностью, любовью и заботой. Человек не опоганил природу, а украсил.

Анатолий долго еще болтал с дедушкой, а внук осматривал этюд и для себя сделал маленькое открытие. С легкой руки художника он впервые по-настоящему разглядел горизонт. Конечно же, он видел горизонт раньше, но как-то полуслепо. Только на этюде он увидел большой панорамный мир. Художник написал высокое небо — оно увеличивало дали — горизонт синел тонкой полоской далеко-далеко. Дали, подернутые густой дымкой блестяли густым жирным маревом. Небо выцвело — солнце забивало цвета своей яркостью.

На обратной стороне картины простым карандашом художник написал: «Гроза». Олег подумал, что надпись старая.

— В лугах острее чувствуется дождь, — сказал художник на прощанье и потрепал парнишку за щеку. — Грозу можно предугадать по первым едва заметным признакам. Поверь мне.

Спустя час за лесом заворчал гром и ночь напролет шел проливной дождь.

Через неделю художник снова пришел, а затем посещал пасеку регулярно – раз в три дня. Он рассказывал о чудесно куинджевской ночи, которую испортил в плавании один беспечный купец, о бесстрашном патриоте Верещагине. Но больше всего мальчишке нравились рассказы о бедном меланхолике Левитане, больном Васильеве и спившемся на старости лет Саврасове. Должно быть, они были ему по душе, оттого что писали о близкой ему природе, которую он видел каждый день.

Художник писал картины природы мастерски, но выходила природа у него совсем не такой как та, о которой он умел рассказывать. В рассказах он обогащал ее интересными подробностями, а на картинах очищал и приукрашивал. За очищенную природу художнику платили. Другое дело этюды. В минутных вольготных тяп-ляпах мастихином природа жила.

Пчеловоды отошли от пасеки и попали в цветник фецелии и синяка. Дедушка еще весной засеял часть луга медоносами. Окультуренный луг просинью пытался перекричать голубое небо. Издали поле синело тоненькой полоской, а когда волновалось марево и искажало пространство, синяк с фацелией опрокидывались красивым миражом – озером. На малой площади широкогрудо сошлась небо и земля.

– Чудесно, дядь Саш! До чего красиво! – захлебывался Иван, описывая луговую и поднебесную красоту – К нам недавно приехали гости, ну ценители красоты! Так просто говорят о природе, что диву даешься: почему сам не видел. Любят Щед...Щедрина...Сильвестра кажется, и того, что море писал. А картин привезли ставить некуда. Все море и море, острова, зелень, пальмы. Прелесть!!!

На Ивана Купалу, с покоса долетела неизвестная песня. Тяжелый гробовой удар аукнулся где-то в лесу – пространство обладало сильным эхом.

На пасеке устроили перекур, отдыхали в тени навеса и не знали, что луга обладают такой певучестью. Дедушку огорчила только песня и он вспомнил о сенокосе. Что не мешало бы вернуть его вместе с русскими песнями, на задуманное эхо которых так отзывались луга.

Он рассказывал о далеком-далеком сенокосе. Когда женщины наряжались в самые красивые платья – они не работали – это был праздник. Луг на несколько дней становился домом – деревни пустовали. Жили в шалашах, готовили еду на костре и пели, пели, пели.

– Не тот нынче сенокос.

Но иногда эхо далекого сенокоса долетало до пасеки – запах сена дурманил на расстоянии. Это был свой сенокос, непродолжительный и почти незаметный. Дедушка обкашивал ульи и не собирал траву. Пару дней она вялилась под солнцем, а в полдень томно и сладко пахла. Ни запах меда, ни сено не перебивали друг друга, бальзамом сливались воедино.

Но медовым сеном пасека пахла пару дней. Сено со временем потемнело от утренних рос, и сгнило. Маленький медовый сенокос быстро улетучился.

Чай с медом

Луга вспенились медоносами, с далеких низин дурмануло таволгой. Зажег малиновые свечи кипрей на местах весенних пожарищ, развернул ковер клевер. Дыхануло медосбором.

Обед уже прошел, на часах стукнуло три. Дедушка посмотрел по сторонам, втянул воздух:

– Зацвели. Ну что, по чаю? Сладко же!!!

Это небывало зацвели мощные липы, благоухая на всю округу. Лип было всего две, но колдовали они запахами как большой старинный липняк. Олег не мог понять, как в череде пасечных запахов дедушка отделил тонкий липовый аромат.

На чай приехали родственники, и чаепитие началось большой дружной семьей. Это была традиция, которую оберегали, а о происхождении каждый раз рассказывали новые подробности.

Расстелили под липой простынь, поставили на пенек пузач-самовар.

– Вот, что никогда не понимал, так это самовар. Зачем? – Иван развел руками. – Есть же чайник!

Дедушка достал из сильного улья тяжелую рамку, запечатанную полностью, и порезал сот на тарелке. Ничего кроме чая и меда, на скатерть не поставил. Мед еще не качали, поэтому янтарный блеск так возбуждал аппетит. Из темно-бурых ячеек вытекал светло-светлый мед.

– Липец, – сказал вкусно пчеловод.

Все знали, что липовый.

В тени ласкался ветерок, но так нежно и неуверенно, что совсем не охлаждал разгоряченные тела. Он шумел в кудряшках лип, волнами разносил тонкий аромат – Олег сладко потягивал носом воздух. Ветер сбивал обильный нектар с цветков. Сладкие капли со скатерти слизывали пчелы. Липовые листочки блестящие, липли к рукам, и были сладковаты на вкус.

— В детстве мы бывало нарвем охапку, идем, слизываем, но обращаем внимание на пыль. А потом липкие руки лижем, потому как неудобно с липкими руками.

С чашек курился пар. Парнишка уже собрался пить, но дедушка остановил:

— Не спеши!

Когда все заулыбались, внук подумал, что дед шутит. Отхлебнул кипяток, положил в рот кусочек сота, и тут до него опять долетела волна запаха — чай стал вкуснее. Он ловил новую медовую волну, пил чай, прикусывал медом и закрывал глаза.

Только Иван не чувствовал запаха и жаловался на насморк. Мед он не любил — когда-то давно переел.

После чая, парень окунулся в воду, родственники уехали — продолжилась работа. На следующий день опять пили чай с медом, и снова самый молодой ловил медовую волну.

Медовая фантазия

Языки

ПОСЛЕ ЗАТЯЖНЫХ дождей установилась сухая погода. По утрам обильно выступали росы, а к десяти раскопчегаренный день уже съедал яркие небесные краски и разноцветный прибой медоносов тускло волновался от ветра.

От жары затемпературил даже лес и банил горячей лесной сыростью. От тяжелых сладких запахов першило в горле. Переслащенные ветра метались вольнее вольного. Олег чихал от бликов луговой пестроты. Ближе к полудню медоносная пестрота сливалась в общую рябящую массу, и рябила до глубокого вечера. Изредка срывались дожди, обидой наливались тучи, но вся эта угрюмость исподлобья была ложной. Гром погрохатывал далеко и слабо.

Неделю пасека задыхалась и вязла в липко-сладком пасечном муссоне. Округа утомилась в жаре и пасека обрела свой особый микроклимат. В этом апофеозе жары было все немного по-другому. Душнее день и росы даже покрупнее...

— Все устанешь перечислять.

Пчелы работали сильнее и дружнее, увлеченные работой, они почти не замечали пчеловодов, и те дымили совсем немного. Жалили пчелы редко.

Пасеку осмотрели полностью и начали сначала. Боролись с ройливостью, подсиливали ослабленные семьи...

— Дел невпроторот.

Но уже первый двухкорпусной улей задержал.

— Вот оно, начали.

Улей был пуст на две рамки — нижнюю и верхнюю. Повинуясь древнему инстинкту, пчелы оттянули один длинный сотовый язык. В больших трутневых ячейках блестел мед.

— Янтарь!

С янтарем почему-то сравнивали любой мед, и темно-коричневый — гречишный, и светло-зеленый — васильковый. Дедушка выломал мягкий от жары сот, на рамки закапал незрелый жидкий сок-нектар и пчелы принялись его слизывать. Язык был большой и тяжелый, мед таял вместе с воском, его съели, и захотели еще.

— Ну щас пойдут тянуть.

И действительно, сначала в одном, через полчаса в другом, а затем, едва не в каждом улье находили языки. Олег наелся — языки складывали в большую алюминиевую кастрюлю. Наполненный доверху сосуд Иван понес в шалаш. Спустя час он запричитал:

— Ах, ну теперь ничего не осталось.

Позже он рассказал, как испил воды, покурил, и в суете оставил кастрюлю под открытым небом. Дедушка сразу понял, что к чему:

— Теперь уже чего. За час выбрали. Э-эх Вань. Что им час.

Но мед был на месте. По сотам ползали только мухи.

— И чего они не взяли мед не пойму? — удивлялся дядька.

— Взятки, пахнет-то как! Усе в поле.

За неделю произошли масштабные изменения, а Олег и не заметил. Пасека взорвалась запахами. Рамки тяжелели день ото дня, и уже вдвоем мужчины едва поднимали корпуса. На рамках желтовато-зазеленела первая печатка.

— Укроп зацвел, — произнес Иван. — Вот откуда зелепуха.

Укропом он называл пастернак на окраине села.

Мы перестали задыхаться

ЗА ЛЕСОМ неподалеку от пасеки ослепило окрестности бело-розовое гречаное поле, а над ним налились густой синева громады туч.

— Какой контраст!

Белое поле и свинцовая туча в синих и серых прожилках — такой цветочный переполох бывает, пожалуй, лишь в июле. С поля кучно, дружно и во все стороны шли пчелы — гречиша загудела. Медом не пахло — слабо потягивало таволгой из пересохших лоцин. Это фантазировал запахами сухой горячий ветер.

Дедушка с внуком пришли к полю. Иван остался на пасеке и присматривал за пчелами – ему нездоровилось – снова мучили суставы. Дедушка ловил пчел – давил на брюшко – проверял нектар.

– Тебя бы годков десять назад сюда.

– Было времечко...

– Не взятки – муссон! Гречка за лесом где-то цвела, а от запаха даже на селе першило в горле...

– Запах за километр держался – не продохнуть! Не воздух – гречаный мед!

Потом запах исчез, хотя гречиха по-прежнему цвела.

– Сказали медовый сорт не зерновой более. Завезли новый.

– Не сорт – так себе. Зерна вроде больше дает, а...

Гречиха потеряла медовое очарование.

– И главное, скажишь ты, странно как... пчелы не перевелись, да и медосборы такие же.

Пропажу заметили не во взятках – пустотой жажнуло в самое сердце.

– Мы перестали задыхаться.

Качка

ПОСЛЕ ПОЛУДНЯ простужено и хрипло залаял гром, перекатываясь с пригорка за дальний лес. Ударил – трава от ветра полегла. Дождь то и дело срывался на протяжении дня. Пенились ручьи, несли по проселкам сор, а выглядывало солнце, земля вмиг просыхала. В воздухе ощущалась влага – самая погода гречихе – нектарообильная. После дождя мед еще пуще проникал всюду. Он перебивал запах крапивы и других трав. Ульи, переполненные запахами, не удерживали мед внутри.

– Ну, Олежек собирайся, в санаторий поедешь!

– Будешь что на курорте.

– Дышать и здороветь.

Иронию дедушки и дядьки парень понял не сразу.

– А что не понятно? Завтра начинаем качку, будешь на медогонке.

Что это за курорт и от чего здороветь, он узнал на следующий день. На пасеку пришел пешком чуть раньше обычного. Не успел переодеть-

ся – за лесом загудел трактор, застучал по колдобинам прицеп, пусто зазвенели фляги, грубо ухнул эхом в лес чей-то бас. Из прицепа вылезли незнакомые люди. Плечистые мужчины сняли с прицепа женщин и с два десятка пустых фляг. Затем приехал дедушка, дядька и Сергей. Готовились...

Когда в начале одиннадцатого тени укоротились, горячо загудели пчелы, и в жар бросило пасеку, начали работу. Женщины вымели шалаш, оставили дымарь, выгнали комарье.

Олега поставили за центробежку. Ивану он уже помогал выкачивать ульи.

Одержимо потекла работа. Есть с чем сравнивать: трудились словно пчелы. У каждого свое занятие. Пчеловоды отбирали рамки.

– Печатный мед.

Готовый продукт, вязкий, без лишней влаги.

– Такой мед не закиснет зимой.

Печатные рамки, потряхивали легкими движениями.

— Шутка ли, в одной три, а то и четыре килограмма.

От сотрясений по рамкам плыл густой, темный-темный, гречишный мед. Трухнут раз – полетел дождь, забрызгал пчел и рамки.

— Это сегодняшней напрыск – сплошная вода.

Встревоженные пчелы гудели, жалили то и дело, пыхтел без усталости дымарь.

— Вань, дыми, дыми. Ох, шельмы разлетались.

Пчелы ползали по рамкам, облитые медом, с прилипшими к телу крылышками, вились роем. Рамки отряхивали. Дедушка смахивал пчел гусиным крылом быстро, осторожно и мастерски, что Левитан кистью клал густые мазки краски. Помогал и Сергей, все время смачивая крылья в воде. Без усталости дымили. Рамки с открытым расплодом не брали, низы выкачивали наполовину. Потом рамки ставили в ящик и накрывали мешком.

— Вдруг воровство.

Но пчелиное воровство в июле редко.

— Вот откачаем, пойдут работать – роев не будет.

Подставляли искусственную вошину. Пчелы ее не секли – оттягивали за милую душу.

— День, другой – полна коробочка меду.

Олег по пояс голый крутил медогонку. Алена обрезала печатку и в потеках меда отдавала рамки ему. С особенно дутых рамок снимали печатку и скатывали ножом в маленькие медовые рулетки. Их укладывали в кастрюли. Все работники загодя принесли посуду. Центробежка нагоняла ветер, шумел дождем мед и стекал по стенам этой огромной металлической бочки. Скоро шалаш захлебывался запахами. Запах чуть-чуть выходил через маленькое сетчатое окошко.

После откачки, обрезали трутневый расплод и маточники – крошили с рамок сухой прополис – прошлогодний, снимали вязкую бурую жвачку – этого года. Соты после откачки малость деформированы, чуточку оборваны. Из открытого расплода выходили молодые пчелы.

Рамки ставили обратно. А холстик уже провис под клубом. Клуб подрезали крылом, и большая масса насекомых с гулом проваливалась на дно. Пчелы ползали по стенкам, волновались, жалили.

— Дыми, дыми, подавим же!

— А ну тут смахни. Осторожно!

После обеда Олег собирал в лесу малину, обстрекавшись в крапиве. И не мог сравнить, что вкуснее – первый мед, или ранняя ягода.

После сытного обеда перекур полчаса...

К вечеру шалаш продышался медом – не продохнуть – хоть постоянно пей воду. На медовые течения слетелся целый рой пчел и сидел на сетке.

А медогонка все шумела.

— Дымни, дымни, – кричит все так же Сергей.

Поздним вечером ехали обратно. Фляги с медом погрузили в трактор, уселись в прицепе. Трактор примерял колдобины и лес провожал людей эхом.

От простуды и от гриппа

ЗИМУ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ проболел. Лечился плохо, застарелый хронический бронхит напомнил о себе летом. Старик долго мучился, лечился – становилось легче – потом снова слег. Жена Наталка перепробовала все рецепты, и проверенные временем, и новинки народной медицины. Таблетки Александр Иванович не признавал.

— Химией травить не дам! Умру, тогда травите, режьте!

Дед капризничал. И все бы ничего, если бы лечился толком. А то...

— Химия!

— Сама ешь – горькое!

— Фу, гадость!

А не гадость не помогала. Бабка прибегла к старому пчеловодному средству. Намешала мед с луковым соком. Но дед с неделю попил, а потом снова капризничал детём.

— Совсем сдурел старый! Шо совсем сдурел. А как помреш?

— Молчи дура, – злился дед. – Помру. Шо плясать у внуков на свадьбе буду.

Однажды бабка принесла мутно-темноватый, специфический мед. Мед горчил самую малость и пах слегка луком.

Дед с аппетитом принял сладкое лекарство, и бронхит понемногу отпустил.

— Вот, вот, говорил, обойдусь без химии.

Он поправился, мед слоपाल, а когда простуда свалила с ног жену, мешал-колдовал с медом сам.

— Говори, что добавлять.

— Что? А я почему знаю.

— Как? Мешать что?

Чуть горьковатый мед не получался. Дед никак не мог добиться аптекарской точности. Мед то выходил горьким и резал глаза, то совсем не пах луком.

— Мешай с луком, шо мешай с луком.

— Щас к Сашку сбегаяю.

Лукового меда у пчеловода не было.

— А рецепт не кажить, говорит луковой мед как есть — с поля.

Поправлялась бабка обычным медом на луковом соку. Через неделю встала на ноги.

— Где ты видел у нас луковые поля? Да сроду их не было.

Луковые поля сеяли за лесом — на Украине. Туда долетали лишь пчелы, а людей караулили пограничники.

Своих луковых полей давно не было.

— Шутка ли, прополи их.

— А пололи же!

— Тады люди были.

И пряный, и горький, и сладкий мед

ЗАДУРМАНИЛ ИЮНЬ к концу, охрипнув и усохнув от жары. Травы на лугах поблекли, выцвели вхолостую некоторые медоносы. От жары нектар густел и высыхал, роями взбесилась пасаека. Тяжелел маревом день. Пульсировал-выстукивал далекий гром и каждый вечер собирались тучи, но грозы сухо прогремев, скатывались за горизонт. Где-то далеко проливался дождь, а до пасеки вечером доходил лишь влажный ветер.

— Ну что к дядьке Пете? — сказал неожиданно дедушка.

Два года назад дед Петя жил в позабытом селе, где заколоченные хаты утопали в бурьяновом буйстве. Он не косил бурьян, жил один, никуда не выезжал и водил пчел. Гостей угощал красноватым медом, с сильным, пряным ароматом.

Когда он умер, деревня враз оглохла, овдовела крапивой. Дом старика разобрали родственники, ульи забрали, пчел держали по всем правилам пчеловодного искусства — горьковатым медом гостей не угощали.

Пчеловоды приехали во вдовое село после полудня.

За селом давно выродились луга на суходолах — опростоволосились травы. Еще при колхозе коровы выбили луга в пашни, медоносы не давали даже поддерживающего взятка. Не носился запах молока, не медавался воздух — колхоз тоже был в прошлом. За угрюмым лесом терялось в необъятных просторах поле пшеницы, овса и сахарной свеклы. А еще дальше, почти на горизонте, тонкой белой полоской светило поле гречиши, — пчелы до нее не долетали.

Все, что осталось от села — это пара косых домов и заросший хромой колодезный журавль. Вдоль пыльной дороги корячились ракиты. По обочинам синел-подмигивал цикорий, побле-

скивали солнечные бутончики осота. Огороды заросли лебедой и марью, осотом и пустырником. Кругом буйствовал бурьян — гармонично, убого-уютно растворял село в природе.

Село согревало невероятно живучей красотой, только коробистое название в тишости кричало: «Заря!». Прежнего названия не помнили, а это старались не произносить. Не меньше названия уродовал округу старый кирпичный магазин.

Село молчало особой дикой тишиной. Казалось, дикость и тишину придавал ему бурьян. Бурьян вымахал большой, откормленный — на убой. В нем красовался — кричал цветом большеухий хвостун лопух, томилась сухожильная крапива, щетинился пустынный. Уже отцветала белой кипенью сныть, розовели неприятные колючки — бодяки. Огромный парубок — пустозвон дягиль — пряно благоухал медом. В его желто-зеленых зонтиках-шапках блестел бусинками липкий густой нектар. Жуки-бронзовки, мухи и пчелы липли к нектару, собирали его и пачкались в зеленоватой пыльце.

Нигде в округе больше не встречались такие высокие бурьяны. Они растворялись в деревенской природе, были ей к лицу. Иван возмущался:

— Какая брехня! Какая красота! Где?! Любить?! Было бы что, а то бурьяны! Можно ли! Пошло! Так и скажи: хочу выделиться, чего голу морочить!

Шли к старому дому, давили бурьян, лопались-хрустели дягили-дудники. Олег представлял прежнее село и не находил ему другого названия.

— Было название, да поди разберись. Стоко лет прошло.

Олег считал, что даже пригорок и одинокое дерево имеют названия. Он вспомнил Навлю. Вроде бы обычная река, если не знать, что на Руси Навлями называли русалок. Зная это, намного интереснее удить рыбу, ночевать на берегу в глухую черную ночь, когда мелькает в лозе тускло-белые сарафаны.

Дядька остался в мотоцикле.

— Стоило сюда ехать ради десяти килограммов меда.

Олег с дедушкой пробирались через заросли огромного дуплистого дягиля, а по запущенному саду разносился запах пряно-сахарного лекарства. Запахи застревали в горле непривычной аптечной сладостью. С дороги так не пахло.

В сумраке сада заедали комары, ожигало кислотой падалицы. На опаде гудели мухи и осы, ноги вязала малина и высокая крапива обжигала щеки. В огромных зарослях лопухов дичала ста-

руха-липа, приткнувшись обугленным боком к старому подвалу. Лопухи обнимали ее пурпурными цветами. Высоко на стволе когда-то давно молния выжгла дупло. Внизу дерево почти усохло, лишь пышная шапка листьев и цветков молодила липу. Цветков было больше чем листьев.

В дереве жили пчелы.

По лестнице дедушка забрался на дерево и скрылся. Даже белый халат не мелькал в гуще цвета. Лишь густой дымок попыхивал из дыма-ря, затуманивая дерево. Дедушка спустил в ведре соты, перемешанные с расплодом и пергой. В красноватом меду шевелились пчелы. Внук ткнул пальцем в сот — пригубил. Мед отдавал непривычной пряностью, с какой-то примесью и слегка горчил.

— Наверное, дягилевый, — сказал дедушка. — Или репейный. Чистый, без примесей. Как есть — бурьяновый.

Пчел он не тронул, взял лишь часть меда, и затем они уехали. Мед не съели — оставили на зиму.

— На пользу легким.

А весной пчелиная семья осыпалась от какой-то болезни. В село пчеловоды больше не приезжали. Лишь иногда Олег приходил туда и утопал в бурьяновых запахах. Бурьяны, как и прежде, благоухали больше лекарством чем медом. Они напоминали о красноватом медке, которого он больше так и не пробовал.

Домой он приходил в поздних сумерках, дорогой нарывал огромные букеты бурьянов. Они долго не вяли в вазе и разносили по комнате пряный и чуть-чуть терпкий запах. На букеты все ругалась бабушка:

— Удумал еще что! Тут ня знаешь как от них отделаться, а он у дом принес! Олег, ты какойся...

Она всегда что-то недоговаривала.

Вскоре в «Заре» поселился молодой фермер-немец. Выкупил земли. Молодого предпринимателя все нахваливал Иван:

— Он-то поднимет хозяйство. Дорогу проведет. Озеро почистит, рыбу запустит, песком берег посытит. Поставит лавочки и беседку. А старые дома уже снес. В газете писали: урожай небывалый соберет. А что, человек хозяйственный, со вкусом.

Дождь

ВЕСЬ ДЕНЬ ждали дождя. От жары нектар загустел и почти высох. Тучи собрались только к вечеру, но затем обманчиво прошли мимо. Ночью Олег проснулся от молний, а уж затем гром ударил в стекло и косой дождь разбил вдре-

безги. Всю ночь ветви скреблись о рамы и стены. Дом вздрагивал от молний как от звука. Когда гром затихал, сильнее пульсировали ходики, громче лакал кот молоко из миски. Бабушка проснулась, шепталась с дедом и крестилась.

Молнии выжигали на окнах фиолетовые и изумрудные зеркала, парнишка различал предметы, и даже успевал определить какого они цвета. Ближе к утру гроза ушла, дом наполнился храпом, а утром светило солнце и парило как прежде.

Жара выела нежно-голубой цвет, и вьелась серость в небесную лазурь. Через луга и косо-горы жирно и сыто переваливалось густое марево — в нем можно было увидеть свое отражение. С покоса ветер приносил запах сена. Иван жаловался на погоду.

— А синяку хоть сушь — все нипочем. Даже при суховеях нектар гонит, — говорил дедушка.

Пасека гудела одним большим ульем — четыре роя ушли до полудня. Дедушка тревожно поглядывал по сторонам:

— Сегодня смотри в оба Олег.

Тот внимательно оглядывал пасеку. Тишина казалась подозрительной.

Собирались обедать, когда пчелы тучами съпанули с лугов. Пасека взорвалась эхом-гулом, и разом провисла тишина. Недолго смотрели улы — пчелы заагресивели. Опухшие от ужалений, прекратили осмотр.

— Дождь!

— Щас хлынет!

Но небо осталось таким же выцветшим, застиранным полотном, также знобилось марево, предгрозовую природную взволнованность трудно было разглядеть. Ее угадали пчелы.

Гроза разорвалась так скоро, что пчеловоды и ахнуть не успели. За них ахнул гром — уронил огромный лист металла. Из-за леса поползли-закурчавились синюшные тучи, в белых прожилках, большая тень ляпнулась на пасеку и первая молния беззвучно жигнула землю далеко на лугах.

Тучи еще не закрыли солнце, когда хлынул крупный отвесный дождь, выбивая лунки в пыли. Первые капли золотились в лучах, скатывались пыльными шариками. Дали усинели, а затем пропали в белесой дымке. Вода с крыши шалаша падала горячей струей. Разом потемнело, только ласточки моргали белым оперением.

Пережидали дождь в шалаше. Дедушка дремал на старом улье, внука тоже тянуло в сон.

Но дождь быстро онемел, тучи всинели в горизонт, проглянуло солнце. Пчелы сидели, пасека притихла, только птицы в лесу, соревновались с каплями.

Воздушная пустота быстро наполнилась запахом влажных, что скошенных трав, чистотой, озоном. Старый плетень пыхал теплой сырой и старой древесиной. Поляна поперхнулась пасечной сладостью — полетел одинокий медовый дух, ветром пригублённый. Из ульев букет — голова кругом.

Листва шептала заговоры, капало с крыш, а в лесу дождь как будто и не прекращался. Туда не зайти — комары съедают.

После ливня Олег мокрый шел по траве, не пропуская ни одной лужи. Весенне-заливными казались дали. Молнии блестели далеко, тихо и без грома. И жара душила как и прежде.

До вечера свинцовые тучи не раз наливались густой синью, не раз срывался дождик. А ночью далеко-далеко пылали зарницы и не нарушали ночную тишину.

Дождик

ВЕСЬ ДЕНЬ с небольшими перерывами сыпал мелкий дождик. Небо редко затягивало тучами больше пяти минут — день был ясный, жаркий — калёный. Ожидался ливень — несколько дней парило до одури — обедали в шалаше раньше обычного. После очередного мокрого каприза, в лесу Олег собирал сочную малину и смахивал капли с ягод. Он мял ее губами, а пчелы дружно собирали нектар с нее и не боялись дождика. А еще собирали нектар и с голубого мордовника.

— Другие медоносы в дождь не посещают.

— Там нектар вымыт, а у этих цветков интересно устроен.

Пчелы работали, а смотреть ульи не давали — жалили.

Маслюки

ДЕДУШКА ЗНАЛ, где в лесу прячется самая ягодная поляна, и куда летают птицы за самыми спелыми орехами. Мог определить погоду на два дня вперед. Рассказал, когда в невероятно засушливое лето за сезон ни разу не качали мед, и пришлось срочно подкармливать пчел сахарным сиропом. Грибником он тоже был не последним.

— За маслятами лучше на Клюевскую горку идти.

В утренних заспанных сумерках внук покинул тихий дом, в котором не спали лишь ходики. ТИК-ТАК...тик-так..., — провожали они. Светало, и вся усталость ночи тяжелой тьмой упала в колодцы и подвалы.

На востоке зазеленела такая узкая полоска, что он сомневался: а действительно ли рассвет? За ручьем, за густыми дремучими лощинами, еще не отдоились ночные туманы — обнялись с горизонтом. Притихли деревья, притих шептун-тростник, и только одинокий коростель еще не охрип за ночь в болотистых низинах. В кустах звоном будоражила тишину птица, перебрасывалась трелями.

Село просыпалось на дальнем жилом краю. Стукнула дверь — почудился глухой гробовой звук, ведра загремели — металлический звон отозвался в глубине колодца. Так звонко, что разбудил всех водяных, если бы они там жили. Скрипит-сипит колодезный журавль голосом старика-долгожителя. Налаялись за ночь собаки, первые звуки со звоном бились о тишину. Петух загорланил сухо, неумело — спросонья. Заревела корова, всполошились гуси, ударило парным молоком — село проснулось.

Олег недолго стоял у околицы, дожидаясь первых голосов и затем покинул село.

Молча курилась копань, зачарованная колдуньей-ночью, утки, неподвижной аппликацией застыли на воде.

Рядом с копанью у развилки он остановился. Даже сейчас развилка не потеряла своего языческого прошлого, и, наверное, еще прошлой ночью вся нечисть округи собиралась здесь. Его уже ждал Вовка.

Они разговаривали шепотом, совсем не стовариваясь — это выходило естественно и непринужденно. Если кто-то переходил на полный голос, другой его одергивал. Голос резал слух, как молодежный жаргон гвоздем по стеклу.

Друзья свернули с главного проселка на маленькую тропку и пошли к небольшому сосняку. Он вырастал из глубокой низины на крутой огромный холм — местные жители называли его лбом, а чаще Клюевской горкой.

Часто они бывали в этом сосняке, пробегали лесок за минуту. Однажды они пришли в сосняк утром. И лесок внезапно распахнул широченную душу, не хуже дремучего шишкинского. Они гордо стали называть лесок «нашим лесом» и ничуть не сомневались, что он так же величествен, как Брянский лес.

Лес, околдованный тихо вздыхал. Исподлобья глядели сосны, вязали воздух смолами, самую малость горчило листопадом. Пахло после-дождевой чистотой. Деревья купались в дымке, тускло подмигивали росные травы. Начищенным серебром горели сети пауков.

Друзья поднялись на холмы и поддались лесным чарам. Штаны прилипли к ногам и громко чавкали галоши. Голубовато-зеленая роса при-

таилась в хвое. Знобилась паутина, капли тяжело падали, шуршали в траве. Трава уступила мягкой подстилке хвои. В лесу было много палящих шишек. Весной здесь пылал пожар. Они осмотрелись...

Первые маслята притаились на опушке.

Их срезали не сразу, но с азартом — жадно. Вначале смотрели по сторонам — страдали самообманом. Чтобы не пропустить собратьев.

Они осторожно срезали медные пятаки масляюков. Не снимали прилипшие хвоинки и прошлогоднюю листву со шляпок. Упругие масляюки липли друг к дружке, иной раз и к ладони приставали. Нежно-бурые шляпки молодцев блестели от влаги, а желто-лимонный низ кропил белыми каплями млечного сока. Сок приятно пах, а если его попробовать, слегка вязал язык. Младенцы, у которых и молоко-то на губах еще не обсохло лучше всего, а большие точно губка.

До десяти утра они собирали грибы.

Небо поднялось выше, и лучи солнца разорвали в клочья осевший туман. Заблестели огнем росы и зеленый огонек в иголках сосен погас. Где-то уже совсем близко замычали коровы, пастух кнутом хлестко рванул тишину. Тени рассекли лес на части, попрятались за стволами, опушка озарилась и засияла. Только в глубине леса темным-темно.

Травы обсохли, жаром задышала паутина, и утренняя сказка растаяла в воздухе. Высохли шляпки масляюков по опушкам, поблекли — разгорячились.

Олег и Вовка уже не собирали их, притомились, притулились к сосне. А потом пошли собирать темно-красную кровоточающую землянику. Плели земляничные букетики, вязали их тонкой травкой. Вдыхали аромат, а потом клали ягоды в рот. Не глотали впопыхах, ждали пока аромат растает, заиграет на губах и языке, кольнет легкой горчинкой.

До этого пальцы пахли грибами, а теперь душистость забивала грибной дух. Силен запах, ох силен, недаром в жару вся опушка ягодами манит.

Они самую малость посидели в тишине, грибы забрал Вовка, а Олег напрямиком на пасеку.

Как раз мотоцикл закашлял вдали.

Осень

ОСЕНЬ ПРИШЛА в августе за полтора месяца до листопада, и Олег ее не заметил. Из сада вылетал спелый и сладкий запах яблок, опадал белый налив и лежал на земле, горячий от полуденного солнца. Жгло кислотой незрелой браги из сада, с пустырей потягивало полынью.

— Вот и осень.

— Как осень!

Олег не верил своим ушам, ведь в природе ничего не изменилось!

Но очень скоро он поверил — осень действительно пришла. Она не мела листопадом, и не бросалась кислой прелью, это была поздняя летняя осень — пчеловодный закат.

Все как будто как и прежде, только луга изменились. Еще впереди целый месяц лета, а они стояли наполовину желтые. Выдохся медосбор, выцвели многие медоносы. Каждый день, добываясь до пасеки, Олег замечал новые перемены. Пропала луговая пестрота, воздух пообвыдохся и не сушил горло горячий ветерок. Даже там, где недавно косили, трава пожелтела и пожухла. Только бурьян еще цвел — не поник.

— До сентября пчелам подмога.

Бодяк, татарник, дягиль, лопух — поздний августовский мед.

Порой срывала голос запоздалая гроза. Затяжной дождь шел шептать по лугам и лесам. Пахло не гречихой, не медово перебраживались ветра на пасеке, а сытым запахом муки и хлеба тянуло с полей. В лесу осыпалась перезревшая малина, и брызгали соком сливы.

Погода поменялась — работа изменилась. Меньше роились пчелы, семьи почти не гнали маточники. Пчеловоды собирали гнезда. Из магазинов-верхов переставляли рамки с расплодом вниз, снимали магазины и корпуса. Уже не спешили в это спокойное время.

После последней качки меда, в магазинах легкий напрыск нектара. Холстик отдирался с трудом — прополиса больше. Из-под утепления выскакивали юркие серые ящерицы.

— Один год козюля пригрелась.

Внимательно осматривали семьи — вдруг затерялась матка. Все, кроме рамок с расплодом, выкачивали с верхов — все, что внизу, оставляли труженицам на зиму. На эту последнюю качку не звали народ, она проходила без спешки — пчелы не подгоняли. Пасека притихла, призадумалась, но без торопливости потеряла часть очарования. Только дедушка работал в том же темпе, заведенный пчелами в пик цветения.

В середине августа пчел перевозили домой, потихоньку составляли гнезда, а там и до подкормки сахарным сиропом рукой подать.

Привезли в село пчел, осень так и нахлынула. Но еще в начале августа словно кончились каникулы, хотя впереди оставалось еще полных двадцать ущербных дней.

Таким коротким показалось Олегу лето, почти за целый месяц до сентября.

Окончание

НА БУДУЩИЙ ГОД Олег снова приехал к дедушке с бабушкой. Поначалу, как и прежде стоял над ульем, ничего не понимал, изредка дымил – помогал как мог. Постепенно втянулся, привык к пчелиному яду, пальцы перестали опухать, укушенные места не чесались.

Затем осмелел, в полдень, раздевшись до пояса, открывал сетку, дымил и загорал. Пчелы кучно шли с полей и лугов, тучами не успевали заходить. От тяжелой ноши они не долетали до прилетной доски, падали на траву, ударялись о мальчишку.

Ближе к вечеру красный как вареный рак, он шел к озеру. Но вода была теплой – она не охлаждала тело – от кожи шел пар даже после купания.

Очень скоро он оставил дымарь Ивану и вместе с дедушкой осматривал ульи. Кидал короткими фразами:

- Сев есть!
- Матка здесь.
- Во оттянул!

Качал мед, топил воск, рубил колышки под ульи. Расхаживал без сетки между ульев, наблюдал за пчелиным лётom, бродил по лугам. Но все его вечерние и ночные хождения получались как-то понарошку. На большое путешествие он не решался – жалел бабушкины нервы. Все его блуждания были в трех соснах.

Потом он поступил в училище, окунулся в студенческую жизнь. Даже на похороны дедушки не пошел. Пчел принял Сергей.

Олег приехал в село, не зашел в дом – прямиком пошел на пасеку.

Старая дорога заросла. Он шел и не мог нарадоваться. Пасека стояла притихшая, припрятанная лесом и травами от посторонних глаз. Он вспомнил эту особую пасечную тишину, остановился неподалеку и чем больше слушал, тем больше томился грустью. Пели птицы из глубин леса, с лугов приятно пахло сеном и медоносами. Не хватало малости – не гудели пчелы, и дорога подозрительно заросла высокой крапивой.

Самые горькие ожидания оправдались. На пасеке никого не было, точек выглядел давно покинутым, зарос крапивой, колючками, травой. Среди густых трав еще торчали старые колышки, улей догнивал под липами. Шалаш разинув рот смотрел гнилой разбитой глоткой. Крыша осела, уцелевшие стекла дали трещины. В шалаше поселилось щемящее чувство, которое посещает людей в любом заброшенном месте. Пасека постепенно растворялась в природе.

Назад он шел быстро. Луга все так же благоухали, только не синел ковер фацелии и синяка – кое-где торчали одинокие окультуренные цветы. Исчезла сытость и сладость, пропал чарующий медовый микроклимат и лес стал угрюмой.

После смерти отца, Сергей перевез пчел домой, основал крестьянско-фермерское хозяйство, получил грамоту на ярмарке, пчеловодство не забросил – пасека стояла в богатом соседнем селе. Но это была совсем другая пасека.

– А на той, что делать, комарей кормить?

В крестьянско-фермерском хозяйстве у дядьки Олег не работал.

Рисунки Маргариты Урчевой